

ПРЕДИСЛОВИЕ

ОБЩАЯ ЧАСТЬ

Словарь, который Вы держите в руках, необычен во многих отношениях. Во-первых, он составлен «не-профессионалом», т.е. человеком, не имеющим специального филологического образования. Более того, если вспомнить старый спор-конфликт «физиков» и «лириков» (во многом надуманный), то настоящий словарь составлен «физиком», поскольку Составитель (так я буду часто себя называть на протяжении настоящего Предисловия) действительно имеет образование физика (без кавычек), поскольку окончил Московский физико-технический институт, а потом на протяжении более чем 20-ти лет достаточно успешно работал (без кавычек) физиком-экспериментатором, защитил кандидатскую диссертацию, имел массу публикаций, ездил на конференции, и т.д. и т.п. Однако не прошло и 20-ти лет после окончания карьеры физика, и вот – «Новый санскритско-русский словарь». Однако...

Во-вторых, настоящий Словарь возник, как продукт активности Составителя на поле «йоги» (я чуть позже поясню, почему взял этот термин в кавычки). При этом хорошо известно, что при переводах и интерпретациях древних санскритских текстов имеются сильные разнотечения между позициями «филологов» (т.е. людей со специальным образованием) и «йогов» (т.е. людей без специального филологического образования). И здесь Составитель также попал в «противоположный» (к филологам) лагерь. Однако...

В-третьих, Словарь возник, как продукт активности Составителя на поле «индуизма» (опять же я чуть позже поясню, почему взял и этот термин в кавычки), поскольку санскрит описывает «мировосприятие» и «миропонятие» именно «индуизма», а не «филологических наук». Для того чтобы получить «квалификацию» на поле «индуизма», Составитель провёл определённую работу по литературе «индуизма» на русском и английском языках (а также на санскрите), чтобы описать систему «персонажей», действующих в мифологических «историях» индуизма. При этом использовались тексты «Махабхараты», «Рамаяны», множества Пуран (до которых я смог «дотянуться» в это время через Ленинскую библиотеку). Это привело к тому, что в 1998 г. я написал, а в 2000 г. опубликовал (через один из Московских «йоговских» институтов) Пособие (объёмом примерно 200 стр. формата А4) под названием «Введение в индийскую мифологию». По этому Пособию Составитель около 10 лет вёл семинарские занятия по теме «Введение в индийскую мифологию» на базе того же Московского «йоговского» института.

В-четвёртых, Словарь возник, как продукт активности Составителя на поле «переводов» с санскрита на русский язык. И опять термин «перевод» взят в кавычки... Придётся начинать пояснять. В течение нескольких лет после начала «общения» с санскритом (трудно подобрать более подходящее слово для этой деятельности), а это «общение» началось в 1994 г., Составитель считал, что главное в переводе – «перевести как нужно». Как нужно «родной школе йоги», как нужно в соответствие с известными правилами грамматики, как нужно в связи с определёнными мировоззренческими представлениями самого переводчика, как нужно в связи с определёнными предпочтениями по мифологии или атеизму, и т.д., и т.п. Но очень скоро такая «политическая ангажированность» перевода стала сильно напрягать. Причём, эта «ангажированность» стала бросаться в глаза во всех доступных переводах, независимо от «лагеря» переводчика. Переводчики-филологи грешат этой «ангажированностью» нисколько не меньше, чем переводчики-йоги, а может быть даже подвержены ей в большей степени. В качестве классического образчика такой «ангажированности» могу привести в пример перевод «Йога-сутр» Патанджали [1]. При этом я совершенно далёк от подозрений в отсутствии «филологической» квалификации у переводчиков [1]. Но то, как они обошлись с сутью перевода трактата по йоге, меня ужаснуло. Ведь йога – практическая система, система практических действий, а не теоретических рассуждений. А перевод был выполнен так, будто йога – это сложная система «умопостроений», в которой следует разбираться с точки зрения некой аксиоматически-выверенной теории.

Ну, объясните «безграмотному» физику, зачем было название Раздела I «Йога-сутр», который записывается как [samādhi-pādaḥ] (буквально «Раздел о самадхи»), переводить как «О сосредоточении». Какую бы систему ни строили переводчики, они должны были ясно понимать что термин «самадхи», один из главных терминов йоги, никак не может быть однозначно переведен никаким одним словом, в т.ч. словом «сосредоточение».

Далее, общеизвестно, что одной из главных сутр Раздела I является вторая сутра, дающая определение йоги. Казалось бы, каждое слово перевода должно быть выверено именно здесь. Что же мы видим? «Йога есть прекращение деятельности сознания»!!!! Ну, пусть даже слово «прекращение» отдалённо передаёт смысл

термина [nirodhah], но ведь слово «деятельность», использованное в этом переводе, в большинстве случаев связывается людьми с чем-то положительным и правильным, а такое понимание и рядом не лежало с главными смыслами термина [vṛtti], суть которого определяется значениями «поведение, характер, нрав; привычка; образ мыслей; склонность; настроение, расположение (ума)». Из этого перечня видно, что [vṛtti], которую необходимо «прекратить», это стандартные (рефлекторные, общепринятые, привычные) способы функционирования сознания. Именно такое стандартное течение мыслей в сознании и следует, согласно Патанджали, сначала «ограничить», а потом и «прекратить».

Так возникло понимание, что сам по себе перевод – гораздо более «бледное» явление, чем собственно текст, поскольку «палитра» его смыслов и значений определяется глубиной понимания связей слов-терминов в предложении, а также глубиной осознания смыслов самих этих слов-терминов. Понять текст, можно только зная язык, или хотя бы понимая смысл его конструкций. Поэтому в дальнейшем Составитель стремился не к опубликованию собственных переводов, а к выпуску пособий, где бы студент снабжался набором данных и конструкций санскрита к его собственному переводу, которые помогали бы узнать необходимые ему истины. Надеюсь, я объяснил причину постановки кавычек в слове «перевод».

Составитель предпринял попытку, не очень удачную (как сейчас видится), выпустить пособие по самостоятельному переводу студентами части серьёзного текста, необходимого, как верил Составитель, им для повседневной деятельности на поле «йоги». В 2001 г. в издательстве того же Московского «Йоговского» института вышло пособие по переводу 1-го Раздела «Йога-сурт» Патанджали, где наряду с текстом на Дэванагари, приводилась его латинская транслитерация с разбивкой на слова (с указанием их форм), и был дан полный словарь всех слов этого раздела. Составитель верил, что йоговский контингент будет «землю рыть», чтобы попытаться понять смысл ключевых классических сурт. Чтобы подвести их к этому процессу, был построен и более 10-ти лет читался (Составителем) трёхгодичный курс санскрита для студентов этого самого института. Составитель вложил в его построение простую последовательность действий: первый год – обучение чтению и письму, простые мантры и тексты; второй год – изучение начал грамматики санскрита, более сложные тексты; третий год – работа с 1-м и 2-м Разделами «Йога-сурт» Патанджали. А поскольку фактически единственный вузовский учебник санскрита [2] на пост-советском пространстве был написан для филологов и мало понятен людям, лишённым этого образования, то Составитель опубликовал ещё три учебных пособия: одно по обучению чтению и письму с подобранными и самостоятельно разработанными упражнениями (для первого года обучения). И ещё два довольно «толстых» учебника грамматики (объёмом примерно по 200 страниц каждый формата А4), где были описаны основные грамматические явления санскрита (для второго года обучения). И уже упоминавшееся пособие по переводу 1-го Раздела «Йога-сурт» Патанджали.

К сожалению вся эта «бешенная активность» на протяжении более чем 10-ти лет закончилась ничем. Оказалось, что студентам было гораздо понятней и проще записать «базовые установки йоги» на практических занятиях по йоге, и далее выдавать эти «откровения» инструктора за знания по йоге, а не «просиживать штаны» в попытке лично перевести сутры Патанджали и получить йоговские максимы из первых рук. В качестве единственного собственного оправдания могу привести только то, что для преподавания санскрита выделялось «целых» 40 минут времени один раз в неделю, из которых 10 минут, как правило, пропадали на «пересменках» между предыдущим и последующим предметами.

Мало оптимизма Составителю добавил приказ по уже упоминавшемуся «Йоговскому» институту, вышедший в начале 2000-х, согласно которому все пособия, которые он (и другие) написал за много лет, стали собственностью института и Составителю не принадлежат (вплоть до преследования за их несанкционированное использование без разрешения института). Именно поэтому здесь нет на них ссылок. И это одна из причин, почему Составитель часто пишет термин «йога» в кавычках, т.к. реальная йога, т.е. «управление собственным сознанием» (вольная интерпретация 2-й сутры Патанджали 1-го Раздела) встречается довольно редко, и в школах обычно подменяется «политикой школы», что крайне малооптимистично.

Собственно Словарь возник в середине 1995 г., как попытка создания электронной версии перечня часто встречающихся в переводимых текстах санскритских слов. При переводах текстов я составляю полный словарь к каждому стиху, а поэтому многие слова повторялись довольно часто. Однажды, записав в 10-й или 20-й раз одно и то же слово в словарик к какому-то стиху, я понял, что сэкономлю массу времени, если начну заносить слова в файл по определённой системе (по алфавиту). При необходимости, его можно будет найти в электронном словаре, когда оно вновь появится в тексте. Таким образом, исходно Словарь создавался как

техническое подспорье для собственных нужд и экономии времени. Правда сама экономия стала возникать, когда число слов в электронном словаре перевалило за 5-6 тысяч слов. Я думаю, что для всех, знакомых с ранней постсоветской действительностью, очевидно, что главным источником слов в моём электронном словаре был словарь В.А.Кочергиной [3], поскольку кроме всего прочего он был и единственным достаточно большим санскритско-русским словарём на всём пост-советском пространстве.

Однако, как только я взялся за переводы текстов, отличных от текстов «Махабхараты», и в первую очередь при переводах «Йога-сутр» Патанджали и ряда Упанишад («Иша», «Кена», «Катха», йоговских Упанишад), то столкнулся с ситуацией, что нужных слов в этом самом большом санскритско-русском словаре попросту нет. Так возникла потребность в других санскритских словарях, в первую очередь англоязычных, поскольку знание английского мне «досталось» в память о моей 20-летней научной работе физика. В начале 2000-х мне удалось уговорить хорошего знакомого привезти мне из Индии (за мои деньги, конечно) санскритско-английский словарь Моньер-Вильямса [4], который значительно расширил моё представление о санскрите и его словах и терминах. Позднее, уже самостоятельно посещая Индию в течение ряда лет (в свой отпуск), я привёз и другие санскритско-английские словари: Апте [5, 6] и Мак-Доннела [7]. Дополнительным источником слов и терминов «индуизма» служила и служит для меня «Пураническая энциклопедия» [8], материалы которой я использовал при подготовке к изданию уже упоминавшегося «Введения в индийскую мифологию».

До тех пор, пока слов в моём электронном словаре было менее 20 тысяч, я совершенно не задумывался над тем, что он может представлять что-то большее, чем техническое средство помощи в моих переводах. Однако в силу ряда обстоятельств такое отношение к электронному словарю изменилось. Во-первых, я осознал, что обладаю хотя и самостоятельно полученными, но более обширными знаниями по индийской мифологии, чем большинство русскоязычных авторов, пишущих на эту тему, а также излагающих эту тему в санскритско-русских словарях (конечно, довольно самонадеянное утверждение, но, увы, верное). И эти знания стали постепенно наполнять электронный словарь. Во-вторых, я обнаружил, что в ряде случаев словарные статьи, имеющиеся в [3], либо неполны, либо неточны. Поэтому в своём словаре я стал уточнять эти словарные статьи, а в ряде случаев и полностью их изменять. Когда число слов моего электронного словаря приблизилось к 30-ти тысячам (это объём словаря В.А.Кочергиной [3]), вопрос о его публикации встал в полный рост.

Прежде чем идти дальше, объяснюсь, почему термин «индуизм» до сих пор я часто ставил в кавычках. Собственно индуизм (без кавычек) – довольно сложная и неоднородная система верований, которую исповедуют большие массы людей Земли (видимо, более 1 млрд. человек). Неоднородность религии индуизма состоит в том, что разные группы верующих по-разному отвечают на многие «главные» вопросы типа «Кто есть Бог?», «Как устроен Мир (Вселенная)?» и т.д. и т.п. Вишнуиты (одна из самых многочисленных групп, исповедующих индуизм), отвечая на первый вопрос, говорят: «Бог – это Вишну». Одна из модификаций этого ответа для вишнуитов: «Бог – это Кришна», другая – «Бог – это Венкатеша». Существуют и другие варианты ответа на этот вопрос. Я думаю, Вы довольно легко поймёте, кто создал этот Мир с точки зрения вишнуитов (кришнаитов). Шивайты (другая многочисленная группа, исповедующая индуизм) говорят: «Бог – это Шива». Другие варианты ответов для шивайтов: «Бог – это Махадэва», «Бог – это Ишвара», «Бог – это Рудра». Ну и, конечно, Мир этот создал Шива (Махадэва, Ишвара, Рудра). А ведь есть ещё смартисты (те, кто считают Брахму главным), тантристы (кто считает главным женское начало, Дэви), ганапатики (кто считает главным Ганешу или Ганапати), и многие другие. Это только кажется высоколобым «умникам», что я пишу банальности и просто перечисляю «разные» имена Вишну или Шивы. В Индии огромные массы людей именно так думают и действуют, и могут довольно неприятно Вас удивить, если Вы будете настаивать на «неверном» (с их точки зрения) ответе на какой-то из «главных» вопросов. Поэтому любая ментальная система, которая попытается описать индуизм всегда будет описывать только его часть. Именно поэтому, та система верований и ответов на главные вопросы, которую развиваю и исповедую я сам, я честно называю «индуизм», чтобы было понятно, что я не претендую на истину в последней инстанции.

Итак, идём дальше. Довольно рано начав переводить (в первый же год изучения санскрита), я скоро понял, что в отличие от, например, русского языка, в санскрите относительно чаще используются предложения, где действие выражено не глаголом, а отглагольным образованием, чаще всего причастием. Например, в уже упоминавшихся «Йога-сутрах» Патанджали глаголов в форме Презенса просто нет, а из других форм только один раз применяется простое будущее время. Но вот видов причастий в санскрите гораздо больше, чем в русском или, например, английском языках. Если следовать номенклатуре Бакнелла [12], то их минимум 8-мь. Если

к этому добавить ещё причастия от Каузативных, Дезидеративных и Интенсивных глаголов, то общее число причастий от одного глагола может вырасти до 20-ти или более. К сожалению во всех имеющихся словарях, и в словаре Кочергиной [3], и в словаре Монье-Вильяма [4], и в словарях Апте [5, 6] и в словаре Мак-Доннела [7] отмечают в лучшем случае 4-5 видов причастий. Можно вспомнить «навскидку» пассивные причастия прошлого времени (обычное обозначение «рп.»), пассивные причастия будущего времени (обычное обозначение «рп.»), перфектные причастия (общепотребительного обозначения нет, но часто пишут «ртгф. р.»). Вот и всё! Во многих случаях вопрос образования всех видов причастий решается довольно просто («по формуле», описанной в учебниках), но в ряде случаев формулы образования их довольно сложны и требуют одновременного применения более чем десятка правил и установлений санскрита. А поскольку исходно Словарь я создавал, как помощника в переводе, то с самого начала я ориентировался на то, чтобы все эти разные виды причастий попали в «свои» ячейки Словаря. К сожалению, мысль о введении отдельной системы обозначений для разных видов причастий пришла скорее «поздно», чем «рано», а именно в момент, когда в словаре было уже около 30-ти тысяч слов. И, введя для собственных нужд такую систему обозначения, далее я почти половину года потратил на «переобозначение» всех присутствовавших к тому моменту причастий в словаре.

Зачем так много места и внимания к такому «мелкому» вопросу?, – спросите Вы. Ну какая разница, причастие это или просто прилагательное, как обычно пишут во всех словарях (включая и Монье-Вильяма [4])? Ну, наверное, в ряде случаев, действительно, разницы нет. Но во многих случаях понять смысл фразы можно только тогда, когда Вы понимаете, что стоящее в предложении слово является именно причастием, и знаете, какого типа это причастие. В качестве примера могу отослать всех понимающих к придаточным предложениям, выступающим в форме Абсолютных конструкций. В большинстве учебников на русском языке (включая [2]) Абсолютными конструкциями называют Locativus Absolutus (Абсолютная конструкция с Местным падежом) и Genetivus Absolutus (Абсолютная конструкция с Родительным падежом), хотя фактически падеж в Абсолютных конструкциях может использоваться любой [9]. В частности, в уже упоминавшихся «Йога-сутрах» Патанджали используется Instrumentalis Absolutus. Так вот, как хорошо известно (см., например, [2], стр. 191-192), в Абсолютных конструкциях используют причастие и существительное (местоимение), стоящие в одном и том же падеже. При этом для выражения в придаточном предложения действия, одновременного с действием основного глагола предложения, используют причастие настоящего времени. Для более раннего действия – причастие прошедшего времени. А для более позднего действия – причастия будущего времени. Ну и ответьте теперь на вопрос, как Вы будете судить об «одновременности» действий, если в словаре относительно категории слова указано «прилагательное», вместо «причастие определённого вида»? Заметьте, я даже не задаю существенно более «тонких» вопросов типа, причастие какого залога (Parasmaipada или Ātmanepada) применяется, поскольку большинство переводчиков сосредоточились на переводах текстов классического санскрита, для которого такие различия считаются «несущественными». Но в Ведических текстах эти различия – реальность, и понять смысл фразы можно только понимая «качество» причастия, а описание его («качества») включает знание залога причастия.

Всё высказанное, с моей точки зрения, оправдывает введённую в данном Словаре номенклатуру описания причастий (см. Раздел «Условные обозначения»). Её некоторая «громоздкость» и «неуклюжесть» – это вопрос «привычки», а её удобство – в полном описании номенклатуры причастий. Поскольку, как уже говорилось, в большинстве словарей качество причастий не отмечалось, значительная часть данных по причастиям, приведённым в этом Словаре, была взята из фундаментальных учебников Кале [10], и Уитни [9], а также из справочников Бакнелла [12] и Уитни [11]. Во многих случаях формы этих причастий были самостоятельно построены Составителем по «формулам», приведенным в учебниках, поскольку эти формы вообще нигде не были приведены.

Трудно обойти вниманием и вопросы «преемственности». Наверняка многие зададутся вопросом, в какой связи находится «Новый санскритско-русский словарь» с «Санскритско-русским словарём» В.А.Кочергиной [3]? И простого ответа на этот «простой» вопрос, по-видимому, не существует. С одной стороны, несомненно, новый словарь является «продолжением» старого. «Продолжением» в смысле, что начался новый словарь, конечно же, с терминов старого. С другой стороны, чем дальше, тем сильнее эту «преемственность» хотелось «нарушить», поскольку довольно часто в словаре [3] Составитель находил «неточности». А поскольку около 10-ти лет «новый» словарь заполнялся (без критического осмысления) терминами «старого», возник вопрос, насколько всё таки «новый» словарь самостоятелен. Это подвигло Составителя на критическое рассмотрение всего материала «нового» словаря, что, как сейчас видится, было очень смелым поступком, поскольку в общей сложности вся эта работа потребовала около трёх лет «каторжного» труда (по 4-5 часов в день каждый будний

день и по 8-10 часов в выходные). Однако проделанная работа сделала «новый» словарь цельным текстом, в котором проводится единая мифологическая и грамматическая политика.

Также проделанная работа позволила отсечь «неточности» словаря [3] и не дать им возможности плавно «перетечь» в словарь «новый». Ещё три года назад, всерьёз задумавшись о публикации «Нового ...» словаря, я предпринял выборочную (10-ть страниц) сплошную проверку словаря [3]. И остался недоволен результатами этой проверки, поскольку на 10-ти страницах я обнаружил 12-ть серьёзных ошибок или опечаток. Вы можете самостоятельно вычислить, как это сделал я, предположив, что доля ошибок в других местах словаря [3] такая же, какое количество серьёзных ошибок или опечаток могло содержаться в 816-ти страницах словаря [3] (к слову сказать, их примерно столько и оказалось после полной сплошной проверки [3]). И большая часть этих ошибок и опечаток присутствовали теперь в моём словаре! Поэтому я смело и безрассудно решил, что произведу полную проверку словаря [3], и «готов» был потратить на это «целых» 3-5 месяцев. Реальность оказалась гораздо более безрадостной, и мне пришлось потратить около 30-ти месяцев, и это были трудные месяцы. И теперь, видимо, только Составитель знает основную часть проблемных моментов словаря [3], хотя это и слабое утешение.

Первая неприятность, с которой я довольно быстро столкнулся в процессе проверки, была связана с глаголами. Точнее, с их формами. Оказалось, что в словаре [3] глаголы описаны достаточно «вольно»: во многих случаях приводились далеко не все формы, имеющиеся в других словарях, а в ряде случаев формы глаголов приводились с ошибками. Например, в качестве форм Презенса довольно часто применяемого глагола *ବୁନ୍ଦୁ* [brū] «говорить» в [3] приведены U., II, [bravīti]/ [brute], а во всех других словарях они приводятся, как U., II, [bravīti]/ [brūte]. Для другого глагола, также означающего «говорить», *ବଦୁ* [vad], в словаре [3] даются только формы Parasmaipada, т.е. P., I, [vadati], в то время, как другие словари однозначно говорят, что этот глагол спрягается также и в залоге *Ātmanepada*, т.е. его формы U., I, [vadati]/ [vadate]. Для ещё одного часто встречающегося глагола *ବର୍ତ୍ତି* [vart] «вертеться; существовать» словарь [3] приводит только одну форму *Ātmanepada*, а именно *Ā.*, I, [vartate], в то время как другие словари, не отрицая наибольшую распространённость этой формы, приводят ещё три другие формы, а именно: *Ā.*, I, [vartate]; редк. P., I, [vartati]; Ved. P., II, [vartti]; Ved. P., III, [vavartti]. Такого рода «вольностей» и ошибок в [3] оказалось очень много, многие десятки. Причём для моего словаря это было во много раз «больнее», поскольку с самого начала его создания я приводил в «своём» словаре полностью формы не только основных, но также и производных глаголов (поскольку для перевода текстов нужны конкретные формы глагола, а не ссылки на книжки), и не удовлетворялся стандартной фразой [3] типа «формы см. *କେତ୍କ୍ଷୁ*» (например, для производного глагола *ବିକଳ୍ପ*).

Поэтому я сделал перерыв в сплошной проверке словарных статей словаря [3] и занялся сплошной проверкой непроизводных глаголов. Параллельно я «писал» каждый из непроизводных глаголов «моего» словаря по многим десяткам параметров (от 16-ти до 20-ти), о чём давно мечтал: наряду с формами Презенса даны формы Инфинитива (обозначение inf.), Деепричастия (ger.), причастий настоящего времени залогов Parasmaipada (ргргр., если они есть) и *Ātmanepada* (pratmp., если они есть), пассивного причастия прошедшего времени (ppasp.), пассивного причастия настоящего времени (rgrasp.), и причастия прошедшего времени залога Parasmaipada (prargr., если они есть). Приведены формы Каузативных глаголов (Caus.) и пассивных причастий прошедшего времени от них (ppasCausp.), поскольку они довольно часто встречаются в текстах. Описаны формы Дезидеративных глаголов (Des.) и пассивных причастий прошедшего времени от них (ppasDesp.) по той же причине. Даны формы Интенсивных глаголов (Int.), если они образуются. Приведены формы будущего времени (Fut1.), Кондиционалиса (Cond.) и 3-х типов причастий будущего времени (залога Parasmaipada, fргргр., если они есть, залога *Ātmanepada*, fatmp., если они есть, и пассивных причастий будущего времени frasp., которые могут образовываться с помощью 3-х видов суффиксов), даны формы Описательного будущего времени (Fut2.). Приведены формы Перфекта, а также перфектных причастий (залога Parasmaipada, pfргргр., если они есть, и *Ātmanepada*, pfatmp., если они есть). Даны формы Аориста (Aor.). Список форм глагола, конечно, можно расширить. Но если это и будет сделано, то только в последующих изданиях настоящего словаря.

Для непроизводных глаголов X-го класса, как правило, приводятся только формы Презенса. Для нескольких из них (aଙ୍କ II, aଙ୍ଗ II, arth) даны все возможные формы (по общей схеме описания непроизводных глаголов). Остальные глаголы X-го класса легко могут быть описаны по аналогии.

Уже из одного только перечня форм непроизводных глаголов понятно, что описание их было долгой и кропотливой работой, занявшей у меня около 8-ми месяцев. Но по прошествии этих 8-ми месяцев, встречая в процессе сплошной проверки [3], которую я продолжил, производный глагол, при описании его форм я уже довольно уверенно опирался на результаты проведенной работы, фактически более ни на что «не оглядываясь».

Следует упомянуть ещё о двух проблемах словаря [3], также связанных с глаголами, точнее с Каузативными глаголами. Во-первых, словарь [3] не приводит (за очень редким исключением) форм Каузативных глаголов вообще, часто не указывая даже от какого конкретно глагола нужно строить формы Каузатива, приводимого в [3]. Это крайне неудобно, поскольку многие Каузативы спрятываются только в *Atmanepada*, и «угадать» это, особенно новичку, практически невозможно. Кроме того, некоторые Каузативы имеют множественные формы даже в *Parasmaipada*, порой довольно экзотичные. Во-вторых, многие производные глаголы существуют только в форме Каузативных глаголов, и это общеизвестно и приводится во всех просмотренных мною словарях. Но в [3] даже в этих случаях приводится стандартная фраза, типа «формы см. *पू*» (например, для производного глагола *पूष्*), без указания форм глагола, а он (*पूष्*) существует только в форме Каузатива. Поэтому догадаться, что в этом случае формы глагола будут *P*, [*prasāvayati*] практически невозможно, т.к. после записи «формы см. *पू*» ожидаешь форм (*U*, *V*, [*prasunoti*]/ [*prasunute*]). Я насчитал подобных «шероховатостей» в [3] более 30-ти, хотя и не уверен, что нашёл все, поскольку последние 2-е я обнаружил случайно уже на стадии орфографической проверки «Нового» словаря.

С гордостью могу сказать, что общее количество непроизводных глаголов «нового» словаря (около 1250) примерно в 1,5 раза больше, чем общее число таких глаголов в [3] (около 800). И хотя до числа 2200 (именно на такое количество непроизводных глаголов указывает индийская традиция) ещё далеко, целенаправленная работа по подбору и описанию «недостающих» глаголов теперь может спокойно быть поставлена и, я надеюсь, исполнена в самое ближайшее время. В сочетании с большим числом глагольных и отглагольных форм для каждого непроизводного глагола «новый» словарь может рассматриваться как достаточно подробный грамматический справочник даже для англоязычных читателей, поскольку все формы даны в латинской транслитерации.

В заключение Предисловия выскажу несколько фрагментарных мыслей по поводу изучения санскрита в России (на примере Москвы), а также по поводу некоторых современных публикаций, где имеются переводные материалы с санскрита. Я постараюсь излагать эти мысли максимально корректно и спокойно, хотя положение, сложившееся в этих областях в настоящее время, даёт мало поводов к корректности и спокойствию.

Первое наблюдение. Я начинал изучать санскрит по учебнику В.А.Кочергиной [2] ещё в начале 90-х. И долгое время не мог продвинуться дальше 10-го-12-го Занятий учебника не по причине суперсложности материала, там приводимого, а из-за того, что терял к нему (материалу) интерес. Несколько «подходов», сделанные после продолжительных пауз, закончились практически на одном и том же месте текста. И выхода из этого «тупика» не просматривалось. «Проклятие» 12-го Занятия было «снято» тантристами, к которым я попал на непродолжительное время (3-4 месяца) на платные занятия где-то в 1994 г. И понапачалу я не понял, как это произошло, – ничего особенного они не делали: та же грамматика, те же модели склонения-спряжения, те же правила сандхи. Только читать нас заставляли помногу совершенно незнакомые тексты. И с листа. И на Дэванагари. Правда, тогда я на это не обратил внимания.

Затем в «йоговском» институте, где меня попросили организовать обучение санскриту, т.к. считалось, что йог должен знать санскрит для чтения текстов по йоге, меня насторожил тот факт, что йоговские инструкторы, окончившие филфак МГУ и писавшие диплом там же на санскритские темы, совершенно не умели читать на Дэванагари. Т.е. транслитерацию они ещё как-то могли «осилить», но Дэванагари для них был полным «финишем». Они довольно хорошо «поддерживали разговор» на темы «ретрогressивной ассимиляции» и многочисленных «правил сандхи», «первичных-вторичных личных окончаний». Но читать на Дэванагари напрочь не умели. Я подивился этому, но ещё не понял.

Потом, когда я уже почти 10-ть лет довольно успешно преподавал для людей разных возрастов санскрит, мне в руки попалась книга заслуженного российского профессора-филолога, где делался перевод с санскрита очень «высоколобого» философского текста. Помню, что меня неприятно поразило использование для передачи текста на санскрите даже не транслитерации, а диакритических символов. Может, я «старомоден», но мне казалось, что при записи русских текстов «лучше» использовать русскую кириллицу, а при записи английских – английскую латиницу. При этом санскрит у меня ассоциируется (может я тупой?) с Дэванагари. И почему-то я совсем не удивился, «продравшись» сквозь латинские диакритические символы «высоколобого» текста, что заслуженный профессор сделал две орфографические ошибки в довольно известном и довольно коротком слове «Ганеша».

Совершенно точно понятно, что это напоминает. В наших ВУЗ-ах давно и довольно безуспешно миллионы студентов изучают иностранные языки. Не все, конечно, безуспешно, но очень многие. И, сдаётся мне, безуспешно изучают именно те, кто вместо англо-французско-немецких текстов читают русскую транслитерацию или транскрипцию. И медленно и очень неправильно говорят они на иностранных языках, потому что всё время

занимаются «внутренним переводом». Т.е. сначала говорят про себя текст на русском, потом «буквально» переводят его на англоязычно-французско-немецкий, а затем, вспоминая вдруг какие-то обрывочные сведения о «ретроспективной ассилиации» и прочих «правилах сандхи», вносят в свой «шедевральный текст» частичную правку.

По-видимому, при обучении санскриту требуется изучение не только письменного языка, но и устного, поскольку сама древнеиндийская традиция обожествляла звук. Для неё (традиции) фраза: «И слово было Бог» была буквальной, поскольку развертывание этого Мира произошло, как считает традиция, после произнесения (Брахмой) слов Вед. Но, организуя учебный процесс, в том числе с использованием текстов (на Дэванагари), нужно помнить, что санскритский текст содержит краткие и долгие гласные, что он ритмичен, и что он отличается от текста на хинди. Ведь в современные тексты, даже на Дэванагари, проникло огромное число «хиндиизмов», начиная с широкого (и часто не по делу) использования висарги и анувары, и заканчивая типичными терминами хинди «Шив», «Рам», «Ганг», вместо «Шива», «Рама», «Ганга». Нужно помнить, что грамматика хинди не просто другая, а абсолютно другая, если сравнивать с санскритом. Нужно понимать, что правила чтения на хинди не просто другие, но абсолютно другие, если сравнивать с санскритом. Поэтому не нужно «смотреть в рот» любому, говорящему на хинди, если речь идёт о санскрите, в особенности, если речь идёт об организации изучения устной традиции. А то у нас сейчас, похоже, главными «специалистами» по санскриту и индийской мифологии являются именно профессора хинди.

Наблюдение второе. Купив не очень давно в «Академкинге» пару книг с переводами с санскрита из «Шатапатха-брахманы» [13, 14] (всегда радуюсь выходу таких книг), я, как всегда, первым делом «засунул свой нос» в Предисловия и Введения, чтобы узнать, «куда ветер дует», поскольку только в этих разделах автор или переводчик может высказать своё мнение и о современном состоянии дел, и о прошлых публикациях, а также проанонсировать будущие «проекты». Ведь в тексте самого перевода это сделать уже крайне затруднительно. Точно не знаю, чего я ждал, но, видимо, обольщённый изданием целых двух книг с переводами из одной из самых известных Брахман, я решил для себя, что «учреждена новая серия», что «начали, наконец-то, изучать» ведическую традицию, а не только буддизм. Что «ещё чуть-чуть», и уже можно будет знакомиться с несколькими Брахманами, а то и Араньяками на русском языке. Как я уже писал выше, сам по себе перевод для меня не означает «истины в последней инстанции». Более того, как правило, перевод ещё более «затемняет» исходное понимание текста. Но текст перевода есть, и если какой-то пассаж его вызывает живой отклик (позитивный или негативный, неважно), то можно уже и самому «влезть» в этот участок текста, и разобраться (для себя, конечно, а не для разъяснения «всему миру»), как же там на самом деле.

Сказать, что я был разочарован Введением и Предисловием, означает не сказать ничего. Оказалось, никакой «новой серии» нет, никакого «изучения» ведической традиции (которое, как нетрудно догадаться, может быть сделано на основании последовательного исследования нескольких целиковых текстов, а не работой с маленькими кусочками одного, пусть и очень уважаемого текста) не предвидится. Что никаких новых Брахман на русском языке, а тем более Араньяк, также, по крайней мере в течение обозримого времени, не будет. Просто автор переводов [13, 14] «не согласился» с очень «свежими» (датируемыми 80-ми годами 20-го века) утверждениями Семенцова В.С., не подтверждёнными, как считает переводчик [13, 14], текстологическими примерами. А для доказательства правоты своих утверждений предпринял сплошной перевод двух выбранных книг (из 14-ти) Шатапатха-Брахманы, которые должны были его правоту подтвердить. Видимо, подтвердили, поскольку новых переводов не ожидается. Наверное, нужно быть благодарным В.С. Семенцову за его опрометчивые высказывания, иначе мы бы не дождались переводов даже и этих двух частей Шатапатха Брахманы. Переводы, кстати, очень хорошие, и искренне жаль, что продолжения не будет.

В этой связи совершенно другие чувства вызывает полный перевод «Бхагавадгиты», выполненный не так давно Д.Бурбой [15]. При этом, переводчик относится скорее к разряду «йогов», чем к разряду «филологов». Мало того, что сам перевод очень взвешен и по-хорошему буквalen и понятен, но он ещё и не страдает «концептуалистическими» замашками всех виденных мною «филологических» переводов. Кроме того, перевод содержит полный словарь к каждому стиху, где отмечены формы всех слов. «Литературный» перевод санскритских памятников, которым грешат многие переводы «Махабхараты» на русский язык – это просто беспомощная реакция на неспособность перевести буквально, хотя и понятно, на русский язык. Санскрит «силён» своей буквальностью. Он говорит всегда «открытым текстом». Нужно только «услышать» эту «буквальность» и без витиеватостей «философского подхода» передать её на русском языке. Хотелось бы верить, что издание «Нового санскритско-русского словаря» будет способствовать возникновению таких переводов.

Закончить Введение хотелось бы на примирительной ноте, поскольку на протяжении всего Введения мне пришлось многократно критически высказываться в адрес «филологов». С моей точки зрения образчиком настоящей филологической переводческой деятельности, кстати, как раз на «ведическом» поле, является титаническая деятельность Т.Я.Елизаренковой по переводу текста Риг-Веда-самхиты [16] и Атхарва-Веда-самхиты [17], последний из которых, к сожалению, завершён не был. Я далёк от «канонизации» Елизаренковой, поскольку с моей точки зрения есть с чем не соглашаться в этих переводах. Но важно не то, чтобы поставить её на пьедестал, или, наоборот, свергнуть с пьедестала. Её пьедесталом является сам текст перевода. И с этого пьедестала никто и никогда не сможет её подвинуть. Последующие поколения могут предпринимать свои собственные опусы (которые только и имеют смысл для каждого из прикасающихся к первоисточнику Вед) уже опираясь на это фундаментальное издание. На мой взгляд, Елизаренковой было важно создать этот базис, а не оказаться правой в каком-либо «локальном» филологическом споре. Издания [16-17] предпринимались ею для представления «первоисточников» разных самхит Вед на русском языке. И в этом смысле эти издания «состоялись» и для «филологов», и для «йогов». Правда (и здесь, я думаю, я не являюсь «оракулом»), без изучения Брахман и Араньяк (а потом и системного изучения Упанишад) обойтись не удастся. Поскольку это не «брахманическая проза» (как указывается во всех «филологических» статьях), а существенная часть ведической традиции, без которой понять её (ведическую традицию) просто не удастся.

Составитель благодарен Марине Орловой (Савостиковой) за помощь в читке и орфографической правке Словаря. Марина привлекла моё внимание к многим сотням ошибок и неточностей, не замеченных мною в тексте. Но главным для меня был сам факт доброжелательной помощи. Составитель благодарен Алле Балиной, техническому редактору Словаря, за терпение и выдержку при работе с незнакомым языком и необычно организованным текстом.

Осталось кратко описать систему нового словаря и привести краткий очерк мифологии «индуизма», поскольку без этого описания статьи словаря понимать будет нелегко.

ОПИСАНИЕ СИСТЕМЫ СЛОВАРЯ

«Новый санскритско-русский словарь» построен по алфавитному принципу. То есть все слова в нём идут в соответствии с последовательностью акшар в Матрике санскрита. Ниже приводится эта последовательность, поскольку санскрит приучил меня говорить что-либо по большей части открытым текстом.

Таблица 1. Последовательность слов в словаре

АЛФАВИТ (МАТРИКА) ДЕВАНАГАРИ

(в квадратных скобках – русская транслитерация, без скобок – латинская транслитерация)

I. Гласные

अ a [a] आ ā [ā] इ i [i] ई ī [ī] उ u [y] ऊ ū [ȫ] простые гласные

ऋ r [p] ॠ ṛ [p̄] ଲୁ l [l] ଲୁଇଁ l̄ [l̄] слоговые согласные

ए e [ɛ] ऐ ai [ai] ओ o [o] औ au [ay] долгие гласные

(a) **h** [(a)x] полугласные (дополнительные)

II. Согласные (5 варг – по местам образования)

କ ka[ka] ଖ kha[kxa] ଗ ga[ga] ଘ gha[gha] ଙ ña[ñha] горловые

Ч ca[ча] Ч cha[чха] Ё ja[джа] Ё jha[джха] Й ю[ю] Й ю[ю] палатальны

Ҭ та[ta] Ҭ tha[txa] Ҭ да[да] Ҭ dha[дха] Ҥ ңа[һа] альвео.

ତ̄ ta[ta] ଥ̄ tha[txa] ଦ̄ da[da] ଧ̄ dha[dxa] ନ̄ na[na] зубные

] မ bha[oxa] မ ma[ma] გუნ

III.

a[Ba]

IV. COR

Имена в словаре приведены в форме основ, а глаголы – в форме глагольных корней. После записи имени на Дэванагари и в латинской транслитерации, а также указания категории имени (прилагательное, числительное, существительное определённого рода) приводится перевод этого слова. Если приводится первичный глагол (непроизводный), то после записи глагольного корня на Дэванагари и в латинской транслитерации, приводятся формы этого глагола (до 20-ти различных форм). Если глагол производный, то указываются только его формы Презенса. Если приводится причастие, то после записи его на Дэванагари и транслитерации указывается (с помощью кода) вид этого причастия и от какого глагольного корня построена его основа, и только затем его перевод. Неизменяемые слова приводятся с указанием их категории (наречие, союз, приставка, и т.п.).

Как уже отмечалось, современные варианты древних текстов страдают «хинданизмами», среди которых основную роль играет применение анувары и висарги. Слова, содержащие анувару или висаргу идут в «Новом» словаре в строгой последовательности Таблицы 1. По всей видимости «выжать» все «хинданизмы» мне также не удалось в этом издании, но обещаю, что если соберусь издавать следующее издание, постараюсь ещё уменьшить их количество.

Если какое-либо слово словаря может выступать в нескольких грамматических категориях (например, в категории прилагательного и существительного), то для этого слова приводится один заголовок на Дэванагари и латинской транслитерации, а слова разных категорий пишутся в строку с «разделителем» точка с запятой, с указанием этой категории. Например, सविधौ savidha a. одного сорта или вида; близко расположенный, ближайший; n. близость, соседство. В этом примере слово सविधौ может иметь значения «прилагательного» (a.) и существительного среднего рода (n.).

Но если одну форму написания имеет слово в форме глагольного корня и в форме имени, тогда в словаре для них приводятся две словарные статьи, а сами написания делаются различными с помощью «искусственного» введения различия с помощью латинской нумерации. Например,

स्थै sthā I v. {Pres. U., I, [tiṣṭhati]/ [tiṣṭhate]; prapar. [tiṣṭhant]; pratmp. [tiṣṭhamāna]; inf. [sthātum], [sthitum]; ger. [sthitvā]; pas. [sthīyate]; ppasp. [sthita]; pparp. [sthitavant]; ppasp. [sthīyamāna]; Caus. [sthāpayati]/ [sthāpayate]; ppasCausp. [sthāpita]; Des. [tiṣṭhāsatī]; ppasDesp. [tiṣṭhāsita]; Int. [tāstheti], [tāsthāti]/ [teṣṭhīyate]; Fut1. [sthāsyati]/ [sthāsyate]; Cond. [asthāsyat]/ [asthāsyata]; fparp. [sthāsyant]; fatmp. [sthāsyamāna]; fpasp. [sthātavya], [stheya]; Fut2. [sthātā]; Perf. [tasthau]; 1du. [tasthiva]/ [tasthe]; pfparp. [tasthivamīns]; pfatmp. [tasthāna]; Aor. [asthāt]/ [asthita]} стоять, стоять твёрдо, находиться; оставаться, продолжать, быть настойчивым в чём-л.; продолжать, длиться; быть, существовать, находиться рядом; быть рядом, жить рядом, служить кому-л., подчиняться кому-л. (Loc., Dat.); стоять спокойно, стоять неподвижно, останавливаться, сомневаться; вести себя как-л.; возникать из (Abl., Gen.); оставаться незамеченным (как не имеющий важности)

स्थै sthā II a. (-o) стоящий; неподвижный; закреплённый; (-o) находящийся где-л., существующий где-л.

Комментируя приведенные формы слов, можно отметить, что первое слово (**स्थै** sthā I) является глаголом (условное обозначение v.). В Презенсе (Pres.) этот глагол относится к категории Ubhayapada (U.), относится к первому классу глаголов (I), и в 3-м лице единственного числа имеет определённые формы в залогах Parasmaipada (записана в «числителе» дроби) и Ātmanepada (в «знаменателе» дроби), т.е. формы [tiṣṭhati]/ [tiṣṭhate]. Активное причастие залога Parasmaipada (prapar.) имеет основу [tiṣṭhant], а активное причастие залога Ātmanepada (pratmp.) – основу [tiṣṭhamāna]. Инфинитив этого глагола (inf.) может иметь два написания ([sthātum], [sthitum]), а деепричастие (ger.) имеет форму ([sthitvā]). 3-е лицо ед.числа Пассива (pas.) этого глагола имеет форму [sthīyate], а пассивное причастие прошедшего времени (ppasp.) – основу [sthita]. Данный глагол образует активное причастие прошедшего времени (pparp.), и его основа имеет форму [sthitavant]. Такие причастия есть только у глаголов, имеющих спряжение по залогу Parasmaipada. Пассивное причастие настоящего времени (ppasp.) от глагола имеет основу [sthīyamāna]. В форме Каузатива (Caus.) глагол может спрятаться как по залогу Parasmaipada, так и по залогу Ātmanepada, а их формы в 3-м лице ед.числа даны через дробь ([sthāpayati]/ [sthāpayate]). Основа пассивного причастия прошедшего времени от Каузативной формы глагола (ppasCausp.) также приведена ([sthāpita]). От указанного глагола Дезидеративные формы (Des.) образуются только в залоге Parasmaipada ([tiṣṭhāsatī]). Кроме того, приведена форма основы пассивного причастия прошедшего времени Дезиративного глагола (ppasDesp.) [tiṣṭhāsita]. Этот глагол в Интенсиве (Int.) имеет формы как в залоге Parasmaipada (две возможные формы приведены в «числителе» дроби), так и в залоге Ātmanepada (одна форма, приведена в «знаменателе» дроби): [tāstheti], [tāsthāti]/ [teṣṭhīyate]. Обычное будущее время (Fut1.) образует формы в обоих залогах ([sthāsyati]/ [sthāsyate]). То же самое можно сказать и о формах Кондиционалиса

(Cond.), чьи формы также приведены ([asthāsyat]/ [asthāsyata]). Приведены основы для активных причастий будущего времени залога Parasmaipada (**fparp.** [sthāsyant]) и залога Ātmanepada (**fatmp.** [sthāsyamāna]). Среди трёх возможных форм основ пассивного причастия будущего времени (**fpasp.**) отмечены две встречающиеся в литературе ([sthātavya], [stheya]). Приведена форма глагола для передачи описательного будущего времени (**Fut2.** [sthātā]). Для Перфекта (**Perf.**) данного глагола приведены формы 3-го лица ед.числа ([tasthau]) и 2-го числа двойств.числа (Idu. [tasthiva]) залога Parasmaipada, а через дробь – форма 3-го лица ед.числа залога Ātmanepada (/ [tasthe]). Даны основы перфектных причастий этого глагола в залоге Parasmaipada (**pfparp.** [tasthivāṁś] и **pfatmp.** [tasthāna]). А также приведены формы Аориста (**Aor.** [asthāt]/ [asthita]). Вся «техническая» документация о глаголе заключена в фигурные скобки ({}).

Поскольку глагольный корень может выступать и в качестве конечных элементов сложных слов, приведена вторая словарная статья (ΣΤΗ sthā II), написание заголовка в которой отличается от первой статьи только добавлением латинской нумерации (в первом случае к написанию на Дэванагари и латинской транслитерации добавлена латинская цифра I, а во втором случае – II). Указано также, что во втором случае слово выступает в форме прилагательного (a.).

Вообще подобных «единиц», «двоечек» (а в ряде случаев и «четвёрочек» и пятёрочек) среди заголовков словарных статей «Нового» словаря достаточно много (многие сотни). Составитель словаря обращал специальное внимание на наличие множественной интерпретации одинаковых с виду основ или корней слов, встречающихся в литературе (филологический термин «супплетивизм основ»), и при обнаружении оного явления обязательно заносил это разнообразие в «Новый» словарь. С сожалением следует констатировать, что во многих случаях эта множественность не нашла своего отражения в [3]. Например, слово sahitā может выступать в двух различных группах значений (словарные статьи приведены из «Нового» словаря): sahitā I a. соединённый, связанный; (du.) оба; (pl.) все; сопровождаемый кем-л. или чем-л., объединённый с кем-л., присоединённый к кому-л. (Instr., -o); вместе с кем-л., находящийся рядом; (астр.) находящийся в соединении с кем-л. (Instr., -o); и sahitā II ppasp. (от [sah] II) удовлетворённый, довольный; вытерпевший, вынесший. В [3] при этом отмечено только первое. Таких примеров многие десятки. Следует иметь в виду, что в случае «негативных» префиксов ([a-] и [vi-]) слова могут обладать прямо противоположными значениями. В качестве примера могу привести словарные статьи из «Нового» словаря относительно слова vimanas: vimanas I a. обладающий острым или проникающим умом; проницательный, дальновидный; vimanas II a. лишенный понимания, неразумный, глупый; взволнованный, расстроенный, смущённый; питающий неприязнь, недоброжелательный, враждебно настроенный. Как видно, две группы значений практически прямо противоположны по смыслу. Связано это с хорошо известным фактом, что «негативные» префиксы могут не только означать «ухудшение» качества исходного слова (manas), но также и «усиление» его базового значения. В [3] при этом для vimanas приведено только второе значение из этих двух групп.